

Вернувшись, Чжань Цзюцзян спросил его:

— Там столько мусора, справитесь ли вы с ним? И что вы будете делать с этим мусором после уборки? Если он просто останется лежать там, то это будет то же самое, что и ничего не делать. Кроме того, как ты думаешь, сколько там можно найти вещей, которые можно продать?

В наши дни старики и дети все еще очень активны. Ради нескольких фэней за цзинь макулатуры, как только агитбригада уходит, они тут же бросаются к плакатам с дацзыбао, срывают их и несут продавать.

— Я планирую сначала все разобрать с детьми, потом продать то, что можно продать, а то, что можно переработать, отправить на переработку. А то, что нельзя обработать, отправим на свалку. Не может быть, чтобы мы облегчили им задачу, а они еще и жаловались на нашу помощь. Если они действительно не будут ничего делать, я пойду к городскому руководству.

Лян Цзивэнь вытер ему ноги, взял таз, вылил воду, привел себя в порядок и тоже лег в постель.

В комнате было только две лампы: одна над кроватью, другая в «гостиной», обе с тусклыми лампочками накаливания. Лян Цзивэнь и Чжань Цзюцзян взяли по книге, и через некоторое время Чжань Цзюцзян начал нервничать. Он уже целый день читал и ему стало скучно. Тогда он притворился, что читает, а здоровой ногой начал медленно двигаться по ноге Лян Цзивэня.

Пальцы ног касались икры Лян Цзивэня, затем колена, а потом ногтем скользили по его коже. В одеяле было полно мелких движений, но лицо Чжань Цзюцзяна оставалось серьезным, как будто он действительно читал.

Лян Цзивэнь позволил ему это, притворившись, что ничего не чувствует, и продолжал читать.

Чжань Цзюцзян, нервничая и волнуясь, украдкой поглядывал на Лян Цзивэня, но тот никак не реагировал. В конце концов, Чжань Цзюцзян разозлился, пнул его, натянул одеяло, повернулся спиной к Лян Цзивэню и приготовился спать.

Он закрыл глаза и ждал, но Лян Цзивэнь не обнял его. Тогда он еще больше разозлился, дернул одеяло, перетянув его на себя, и зарылся головой в подушку.

Лян Цзивэнь подождал еще две минуты, затем положил книгу, развернул Чжань Цзюцзяна — так как тот лежал на боку, весь вес приходился на травмированную ногу.

Не то чтобы он хотел специально игнорировать Чжань Цзюцзяна, просто у того была травма ноги, и оба были на взводе. У Чжань Цзюцзяна не было такой силы воли, и он мог легко потерять контроль, поэтому лучше было немного остудить пыл.

— Что хочешь на завтрак? — спросил Лян Цзивэнь, зная, что тот еще не спит. Он поправил одеяло и вытащил его голову из-под одеяла.

— «Фо тяо цян»! — закрыл глаза Чжань Цзюцзян. На вопрос Лян Цзивэня он лишь шевельнул губами, показывая, что не хочет разговаривать, но и не хочет обижать свой желудок.

Лян Цзивэнь выключил свет, лег и обнял Чжань Цзюцзяна за талию. Тот оттолкнул его руку, но Лян Цзивэнь не отпустил. Он специально притворился маленькой птичкой, прижав голову к груди Чжань Цзюцзяна.

— Слишком сложно, не смогу.

— Мне все равно, — холодно ответил Чжань Цзюцзян.

— Тогда ты приготовь мне сам, хорошо? — Лян Цзивэнь поднял голову и лизнул Чжань Цзюцзяна под подбородком.

Чжань Цзюцзян открыл глаза, раздраженно оттолкнул Лян Цзивэня и широко раскрыл свои миндалевидные глаза.

Лян Цзивэнь, не смущаясь, подошел ближе, поцеловал Чжань Цзюцзяна в щеку и сказал:

— Завтра приготовлю тебе морских улиток, хорошо?

Чжань Цзюцзян не был так прост, но он и не злился, просто чувствовал себя немного смущенным. Когда Лян Цзивэнь смягчился, он тут же воспринял духом.

— Не хочу улиток, хочу рыбу-саблю.

— Хорошо, приготовлю тебе рыбу-саблю в томатном соусе, еще пожарю шарики из сладкого картофеля, внутрь добавлю немного черничного варенья и сыра. Снаружи они будут хрустящими, а внутри — сладкими и кислыми, и сок может вытечь, если неосторожно, — Лян Цзивэнь обнял Чжань Цзюцзяна, и в его голосе звучали соблазнительные нотки.

У Чжань Цзюцзяна уже слюнки текли. Он широко открыл свои большие черные глаза и смотрел на Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь обожал его в таком состоянии, поцеловал его в щечку, слегка укусил, а затем прикрыл его глаза рукой.

— Ладно, сначала спи. Завтра утром приготовлю тебе шарики из сладкого картофеля на завтрак, договорились?

Чжань Цзюцзян, словно шутя, потянул его руку и положил ее себе на живот:

— Это все из-за тебя, я уже голоден.

— Но я чувствую, что твой живот полный, — Лян Цзивэнь воспользовался моментом, чтобы пощекотать живот Чжань Цзюцзяна.

— Я голоден! — Чжань Цзюцзян начал извиваться, требуя, чтобы Лян Цзивэнь пошел готовить ему ночной перекус.

Лян Цзивэнь не мог ничего поделать. Он хотел отвлечь его внимание, но в итоге отвлек на себя.

Он встал с кровати, достал из кладовки яйцо, поставил маленькую кастрюлю и сварил Чжань Цзюцзяну сладкий яичный суп.

Когда Лян Цзивэнь принес суп, Чжань Цзюцзян уже почти заснул. В начале осени разница температур между днем и ночью была большой, но было еще немного душно. В комнате горел огонь, и стало еще жарче. Чжань Цзюцзян откинул одеяло, обнажив половину живота, и повернул голову в сторону гостиной. Лян Цзивэнь, глядя на него, мог представить, как тот смотрит на него с нетерпением.

Лян Цзивэнь не хотел будить его, быстро выпил суп, тихо лег в кровать, а Чжань Цзюцзян в

полусне пробормотал:

— Суп, я хочу сладкий.

Лян Цзивэнь рассмеялся, поцеловал его в губы, обнял и проспал до утра.

На следующий день Чжань Цзюцзян проснулся от аромата, наполнявшего комнату, и урчания в животе. Он вдыхал сладкий запах, и его желудок бурлил. Он немного подумал и крикнул:

— Лян Цзивэнь, я проснулся.

Намекая, что пора идти чистить зубы и умываться.

Лян Цзивэнь быстро достал жареные шарики из сладкого картофеля, палочкой подправил дрова под котелком, убавил огонь, добавил сырые шарики, вытер руки и повел Чжань Цзюцзяна в ванную.

Он уже приготовил для него зубную пасту и полотенце, ожидая, пока аромат шариков разбудит его. И его план сработал. Смотри, сегодня Чжань Цзюцзян послушно встал.

— Я еще сварил рисовую кашу, густую-густую, чувствуешь запах?

Чжань Цзюцзян, с пеной во рту, кивнул, и несколько маленьких пузырьков взлетели в воздух.

— Еще есть пирожки с говядиной и кунжутные шарики. Если ты будешь так послушен каждый день, я каждый день буду готовить тебе то, что ты любишь.

Чжань Цзюцзян с недовольством сказал:

— Когда я капризничал?

Ему казалось, что Лян Цзивэнь обращается с ним как с ребенком. Он наморщил брови и спросил:

— Что ты имеешь в виду? Если твое требование ко второй половине — это послушание, то почему бы тебе не завести щенка и не вырастить его? Гарантированно будет послушным и преданным!

Лян Цзивэнь не мог не рассмеяться. Он чувствовал, что Чжань Цзюцзян становится все более капризным. Он прижал голову Чжань Цзюцзяна и поцеловал его в лоб.

— Я ничего не буду выращивать, только тебя.

Лян Цзивэнь знал, что Чжань Цзюцзян вел себя так из-за нехватки чувства безопасности.

Лян Цзивэнь приготовил много шариков из сладкого картофеля, так как все равно использовал большую кастрюлю с маслом, поэтому решил сделать больше. Он сначала отнес миску шариков семье сестры Цзян, затем наполнил три железных коробки для еды, и еще осталось две большие тарелки. К счастью, он подумал о пространственном хранилище и решил сделать оставшуюся часть в виде лепешек, иначе три коробки бы не вместили столько же.

Шарики из сладкого картофеля были для друзей Цзян Пинъань, чтобы завоевать их расположение. Поэтому их должно было быть больше, а не меньше. Лян Цзивэнь нашел лист пергамента, дал лепешкам стечь масла, сложил их по девять штук в шесть слоев, завернул и

связал тонкой веревкой. Затем отдал их сестре и брату Цзян, чтобы они сами разделили.

Лян Цзивэнь сказал, чтобы они разделили их, но такое количество лепешек они не могли съесть сами, и, конечно, должны были поделиться с друзьями. Цзян Пинъань сразу поняла, постучала себя в грудь и пообещала выполнить задание, данное организацией.

<http://bllate.org/book/16557/1511335>